

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ

УДК 902.02
DOI: 10.17223/19988613/69/1

Л.А. Бобров, Ю.И. Ожередов, А.Е. Богданов

«РЕЙТАРСКИЙ» ШЛЕМ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ – СЕРЕДИНЫ XVII в. С ВОСКРЕСЕНСКОЙ ГОРЫ (г. ТОМСК) ИЗ СОБРАНИЯ МАЭС ТГУ

*Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Минобрнауки
в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).*

Изучен шлем, обнаруженный у Воскресенской горы г. Томска в 1889 г. Установлено, что он относится к «германо-фламандской» разновидности европейских шишаков и был изготовлен мастерами Западной Европы или России. Согласно письменным источникам, доспехи европейского образца стали применяться томскими служилыми людьми не позднее середины 30-х гг. XVII в. В период своего нахождения в Томске шлем, возможно, принадлежал представителю командного состава или воину одного из кавалерийских подразделений.

Ключевые слова: служилые люди; рейтары; рейтарский шлем.

Военно-культурное наследие русских служилых людей Сибири и Дальнего Востока вот уже не одно столетие привлекает к себе внимание отечественных и зарубежных исследователей. Однако вплоть до недавнего времени выводы относительно военного искусства землепроходцев конца XVI – XVII в. строились преимущественно на основе анализа письменных источников. Отмечая несомненную важность данных материалов, все же отметим, что для всестороннего изучения вооружения и тактики служилых людей Зауралья необходим комплексный подход, в рамках которого письменные свидетельства должны уточняться и дополняться с помощью вещественных и изобразительных источников [1; 2. С. 204–207]. В данной связи актуальным направлением современных исследований является введение в научный оборот подлинных образцов российского и европейского вооружения, найденных на территории Сибири и датированных эпохой позднего Средневековья и раннего Нового времени.

В настоящее время одна из крупнейших в азиатской России оружейных коллекций хранится в фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ). Наряду с клинковым, древковым, огнестрельным оружием, а также луками, стрелами, корпусными панцирями, в собрании музея представлены и боевые наголовья – клепаные и цельнокованные шлемы, мисюрки, кольчатые капюшоны. Значительная часть данных образцов защитного вооружения поступила в Археологический музей Томского университета (прежнее название МАЭС ТГУ) еще в XIX в. К концу того же столетия в собрании насчитывалось не менее восьми боевых наголовий, которые были впервые опубликованы выдающимся российским исследователем В.М. Флоринским в 1890 и 1898 гг. [3. С. 158, 159;

4. С. 532, 533]. К сожалению, формат публикации не позволил ученому дать подробное описание конструкции и системы оформления указанных шлемов. Кроме того, как показал специальный анализ, некоторые атрибуции и датировки конца XIX в. нуждаются в уточнениях и корректировке [5, 6].

Наряду с прочими наголовьями в фондах МАЭС ТГУ хранится оригинально оформленный «железный шишак» (инв. № 2698), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных археологов, военных историков и оружейников. Он входит в число 11 шлемов русского и европейского производства конца XVI – XVII в., обнаруженных на территории Сибири [2. С. 204–207, 209, 210, 212]. При этом по своей конструкции и системе оформления он заметно отличается от большинства других боевых наголовий рассматриваемого региона, что подчеркивает его высокую научную ценность. Ранее данный образец защитного вооружения еще не становился объектом отдельного научного исследования.

Целью настоящей статьи являются детальное описание конструкции и системы оформления шлема № 2698 из собрания МАЭС ТГУ, уточнение его датировки и атрибуции, а также реконструкция вариантов первоначального внешнего вида наголовья.

Согласно данным В.М. Флоринского, интересующий нас шлем относится к числу случайных находок. Он был обнаружен на территории г. Томска в конце XIX в. в ходе земляных работ: «В музее Томского университета имеется... русский шлем, найденный весной 1889 г. в Томске при рытье погреба, во дворе дома Лаврентьева, в Подгорной улице, под Воскресенской горой (№ катал. 2698). При основании Томска на яру Воскресенской горы над этой частью Подгорной улицы существовала крепость (острог, обнесенный палисадом). Найденный булатный шлем должен отно-

ситься к этому времени (к первой половине XVII в.)» [4. С. 532, 533]. В музейное собрание наголовье было передано в том же 1889 г. студентом Томского университета Чикиневым [3. С. 159].

Первое описание конструкции шлема было выполнено В.М. Флоринским, который определил находку как «железный шишак»: «Он имеет форму широкой шапки, с выпуклыми боками и низким круглым верхом, снабжен козырьком и затылком; по длине идут выпуклые полосы, вроде дыни. Сохранился очень хорошо, со слабыми следами ржавчины» [4. С. 532, 533].

В дальнейшем сильно сокращенное описание В.М. Флоринского приводится А.П. Дульзоном при характеристике Томского острога [7. С. 114], а позднее – в справочнике «Археологическая карта Томской области», где артефакту присваивается индивидуальное наименование «Воскресенская находка I» [8. С. 119].

К сожалению, письменные свидетельства не позволяют проследить степень сохранности шлема в период его нахождения в музейном собрании. Так, например, в настоящее время от многочастного сегментного назатыльника наголовья осталось лишь две пластины. В приведенном описании В.М. Флоринский упоминает

«затылок» шлема, однако ничего не сообщает о конструктивных особенностях и количестве составляющих его пластин. Таким образом, не представляется возможным установить комплектность назатыльника шлема в момент его обнаружения. Не упоминает В.М. Флоринский и такие элементы наголовья, как подвижный наносник, на уши и на вершине. Это дает основание предположить, что либо данные элементы не были обнаружены вместе со шлемом, либо они по каким-то причинам не были переданы в музейное собрание.

Конструкция и система оформления шлема.

По материалу изготовления шлем № 2698 из собрания МАЭС ТГУ относится к классу железных, по конструкции тульи – к отделу клепаных, по форме купола – к типу полусферических (рис. 1–3). Общая высота наголовья – 15,5 см, диаметр лобно-затылочный – 23,9 см¹, височный – 20,3 см. Толщина стенок тульи по ребрам (верхняя рельефная часть шлема) – 1,0 мм, по венцу (нижняя гладкая часть шлема) – 1,5 мм, толщина козырька 1,5–2,0 мм, пластины назатыльника 1,0–1,2 мм. Масса шлема – 1,8 кг.

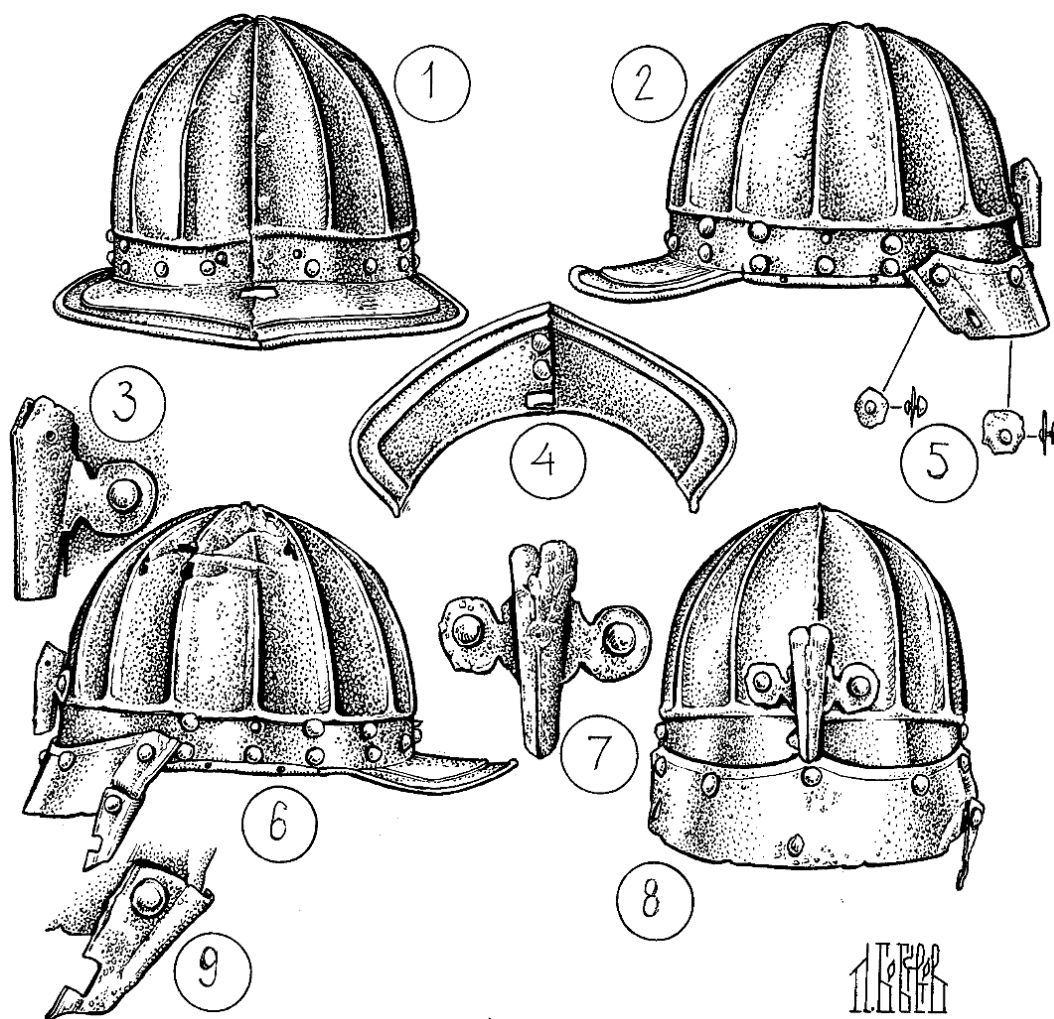

Рис. 1. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (рисунок Л.А. Боброва): 1 – шишак (вид спереди); 2 – шишак (вид слева); 3 – плюмажная трубка-втулка (вид справа); 4 – козырек (вид снизу); 5 – заклепки из медного сплава с железными «подложками»; 6 – шишак (вид справа); 7 – плюмажная трубка-втулка (вид спереди); 8 – шишак (вид сзади); 9 – малая (окантовочная) пластина назатыльника

Рис. 2. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (фото Ю.И. Ожередова): 1 – вид спереди; 2 – вид слева; 3 – вид справа; 4 – вид сзади

Рис. 3. Шишак с Воскресенской горы (г. Томск), первая половина – середина XVII в., МАЭС ТГУ, № 2698 (фото Ю. И. Ожередова): 1 – вид сверху; 2 – вид снизу

Тулья шлема склепана из двух половин (стыковочный шов проходит по линии лоб–затылок). При этом левая пластина незначительно перекрывает правую (см. рис. 1, 1, 8; 2, 1, 4; 3). Для соединения железных элементов использованы заклепки с уплощенными шляпками, вбитые с внутренней стороны тульи шлема вдоль края стыковочного шва (см. рис. 3, 2). С внешней стороны тульи головки заклепок были зашлифованы, однако их следы все же заметны на плоскости наголовья (см. рис. 1, 1; 2, 1).

Поверхность тульи шлема (за исключением «венца» вдоль ее нижнего края) покрыта 16 вертикальными остроугольными ребрами жесткости, два из которых маскируют стыковочный шов. На лицевой части наголовья пластины тульи резко изгибаются (под углом около 90°) и переходят в длинный и широкий двухчастный козырек («полку»). Длина козырька 25 см, ширина 5,2–7,0 см (у края и в центральной части «полки» соответственно). У основания козырька (рядом со стыковочным швом) пробито сквозное отверстие прямоугольной формы (2,0 × 1,2 см), в которое вставлялся подвижный наносник-стрелка, защищавший лицо воина от рубящий ударов оружия противника (см. рис. 1, 1, 4; 2, 1; 3, 2)². Так как железные лопасти, формирующие козырек, составляют единое целое с соответствующими пластинами тульи, левая лопасть козырька незначительно перекрывает правую (см. рис. 1, 1, 4; 2, 1; 3, 2). С нижней стороны козырька вбиты две заклепки с уплощенными шляпками (диаметр 1,0 см) надежно фиксирующие лопасти «полки» между собой (см. рис. 1, 4; 3, 2). Пятиугольный козырек шлема имеет рельефную поверхность. Миниатюрная ступенька, проходящая ближе к внешнему краю «полки», делит плоскость козырька на верхний (примыкающий к ту-

лье) и нижний ярусы. Сам край козырька оформлен выпуклым бортиком (ширина 0,4 см). Боковые углы «полки» закруглены, а центральный, напротив, заострен (см. рис. 1–3).

Горизонтальное ребро жесткости отделяет ребристую (верхнюю) часть тульи от гладкого «венца» (ширина 3,0 см)³. В плоскости последнего пробиты 23 отверстия, в которые вставлены 19 больших и малых заклепок из медного сплава с выпуклыми полусферическими шляпками (диаметр 0,9 и 0,7 см соответственно).

Налобная часть шлема снабжена шестью отверстиями с четырьмя заклепками с полусферическими шляпками из медного сплава (см. рис. 1, 1; 2, 1). На внутренней стороне тульи заклепки дополнены плоскими железными «подложками» подпрямоугольной и подквадратной формы. Значительный интерес представляют два дополнительных отверстия, пробитых справа и слева от стыковочного шва. Левое из них в настоящее время пустое, однако в правом сохранился фрагмент железного штыря заклепки (см. рис. 1, 1, 6; 2, 1). По всей видимости, данные отверстия служили для крепления скобы-фиксатора подвижного наносника шлема (см. ниже).

Височные стороны наголовья снабжены 12 отверстиями, расположенными в два ряда (по 6 отверстий с каждой стороны, в том числе два пустых и 10 с заклепками из медного сплава). Отдельные заклепки на внутренней стороне тульи снабжены плоскими железными «подложками» округлой формы. С помощью заклепок на налобной и височных сторонах шлема к наголовью крепился подшлемник из мягких органических материалов (ткани, ваты, кожи и т.д.). Также весьма вероятно, что некоторые височные заклепки

служили для фиксации ремней, к которым подвешивались цельнокованные или клепанные науши.

Вдоль нижнего края тульи пропущен выпуклый бортик (толщина 0,5 см). На височных сторонах бортика проделаны небольшие парные отверстия (см. рис. 1, 2, 6; 2, 2, 3).

На макушечной части наголовья пробито еще одно сквозное округлое отверстие, с помощью которого к тулье крепилось навершие шлема (см. рис. 3).

Отогнутая назад затылочная часть тульи рассматриваемого наголовья имеет специальное расширение, предназначенное для крепления многочастного сегментного назатыльника типа «рачий хвост» (см. рис. 3, 2). Последний сохранился фрагментарно. В настоящее время он состоит из одной большой («базовой») и одной малой («окантовочной») пластины. Большая пластина выполнена в виде изогнутой железной полосы удлиненно-подпрямоугольной формы (ширина 4,0–4,8 см). Она плотно прилегает к затылочной части тульи и в значительной степени повторяет ее изгиб⁴. Нижний край пластины – ровный, а верхний снабжен по центру остроугольным зубцом (см. рис. 1, 5, 6, 8; 2, 2–4). Боковые края пластины дополнены слабовыраженным бортиком. Вдоль верхнего края железной полосы бортик намечен лишь визуально, с помощью сплошной гравированной линии (см. рис. 1, 5, 6, 8).

Большая пластина назатыльника крепится к тулье шлема с помощью пяти заклепок с полусферическими шляпками, вбитыми вдоль ее верхнего края (см. рис. 1, 5, 6, 8; 2, 2, 3, 4). Как шляпки, так и стержни заклепок изготовлены из медного сплава. На внутренней стороне тульи заклепки снабжены плоскими железными «подложками» округлой формы (см. рис. 1, 5; 3, 2). Вдоль нижнего края пластины пробиты три сквозных отверстия. В центральное из них вставлена простая железная заклепка. Боковые отверстия имеют прямоугольную форму (0,8 × 0,4 см). В настоящее время левое отверстие пустует, в то время как правое используется для крепления малой «окантовочной» пластины сложной вырезной формы. Последняя соединяется с большой пластиной с помощью медной заклепки с полусферической шляпкой (см. рис. 1, 6, 8, 9; 2, 2, 4).

К затылочной части купола шлема (непосредственно над большой пластиной назатыльника) прикреплен Ф-образный держатель плюмажа, представляющий собой коническую железную втулку (высота 5,8 см, диаметр 1,8 см) в обрамлении двух округлых фестонофиксаторов (диаметр 2,0 см), в плоскости которых вбиты заклепки, соединяющие держатель с тульей наголовья (см. рис. 1, 2, 3, 6–8; 2, 2–4). Плюмажная трубка-втулка не имеет донца, а на ее боковых сторонах пробиты миниатюрные сквозные отверстия (см. рис. 1, 2, 3, 6–8).

Если козырек и нижняя часть тульи шлема сохранились достаточно хорошо, то верхняя часть наголовья имеет существенные повреждения. В частности, на ее поверхности присутствуют большие и малые пробоины, а также «разрывы» железной основы (см. рис. 2, 2; 3, 2). На правой стороне тульи фиксируются глубокие вмятины – следы рубящих (?) ударов (см. рис. 1, 6; 2, 2). Кроме того, утеряны такие шлемовые элементы,

как наносник со скобой и фиксатором, навершие, науши, а также большая часть назатыльника.

Датировка и атрибуция

На основании особенностей конструкции и системы оформления рассматриваемое наголовье может быть отнесено к большой группе европейских шлемов раннего Нового времени, известных в Германии и Австрии как *zischagge* и *rappenheimer*, в Польше как *szyszak*, в Чехии – *sisak*, в Англии – *lobster-tail* и т.д. [9. С. 107; 10. Р. 68–70; 11. С. 25, 28; 12. С. 128, 131, 132]. Данную группу шлемов можно обозначить как «шишаки европейского образца», или «европейские шишаки». Отличительной особенностью данных наголовий являлась низкая цельнокованая или клепаная тулья полусферической или сфероконической формы, дополненная козырьком с защитой лица в виде наносника-стрелки (или, реже, нескольких железных полос или прутьев), коротким навершием, парой наушей и сегментным назатыльником.

Появление данной разновидности боевых наголовий в составе комплекса защитного вооружения европейских воинов связано с влиянием Османской Турции. При этом, европейские мастера не просто скопировали османские шлемы, но и внесли в их конструкцию ряд важных изменений. Так, в частности, назатыльник шлема увеличился в размерах и из цельнокованого превратился в сегментный, изменилась система оформления (а в некоторых случаях и конструкция) тульи, козырька, наносника, наушей, навершия, держателя плюмажа и т.д.

Внутри группы европейских шишаков достаточно быстро сформировались различные региональные типы и варианты наголовий различавшиеся между собой особенностями конструкции и системы декоративного оформления. Так, например, в Польше *szyszaki* местных гусар стали часто дополняться особым типом наносника с широкой лопастью для защиты лица, характерными накладками из медного сплава, а в некоторых случаях – высоким продольным гребнем. В Англии наносник нередко заменял специальной «решеткой» из трех соединенных железных полос или прутьев, при этом налобник и козырек могли подниматься вверх как забрало рыцарского шлема и т.д. [9. С. 107; 10. Р. 68–70; 11. С. 25, 28; 12. С. 128, 131, 132, 149; 13. С. 66, 67, 110, 111; 14. С. 319].

Рассматриваемое наголовье из собрания МАЭС ТГУ относится к одной из разновидностей «европейских шишаков», которую с некоторой долей условности можно обозначить как «германо-фламандскую». Отличительными особенностями шлемов данной подгруппы являются низкая клепаная двухчастная (в редких случаях цельнокованая) тулья, верхняя часть которой покрыта ярко выраженными ребрами жесткости (выгнутыми непосредственно из плоскости тульи), и очень широкий и массивный козырек, сформированный в большинстве случаев двумя лопастями пластин тульи шишака⁵. В настоящее время нам известно о 29 подобных шлемах, хранящихся в музейных и частных собраниях России, Германии, Австрии, Ита-

лии, Великобритании, США и других стран [9; 10. Р. 68–70; 11. С. 28; 14. С. 319, рис. 2, 2; 15; 16]⁶.

Ближайший аналог «томского» шлема зафиксирован в фондах Государственного Эрмитажа (ГЭ) (инв. № 3.О.-7380)⁷. Сведения о данном наголовье ранее не публиковались и вводятся в научный оборот впервые (рис. 4).

Как и шишак из МАЭС ТГУ, шлем из ГЭ имеет двухчастную клепаную тулью (общая высота 19,9 см, высота тульи 15,0 см, диаметр лобно-затылочный 22,5, височный 20,0 см), пластины которой переходят в широкий и массивный козырек (длина 23,2 см, ширина 4,0–6,4 см). Толщина стенок тульи по ребрам (верхняя рельефная часть шлема) – 1,5 мм, по венцу (нижняя гладкая часть шлема) – 2 мм, толщина козырька 1 мм, пластины назатыльника 1,5 мм. Масса шлема 1,291 кг.

Двухчастная пятиугольная «полка» козырька снабжена характерной «ступенькой», бортиком по краю и прямоугольным отверстием для наносника-стрелки (1,75 × 1,3 см)⁸. Верхняя часть шлема покрыта 16 вертикальными ребрами жесткости (у наголовья из Томска их также 16). При этом «венеч» шишака (ширина 4,0 см) – гладкий. В отверстия, пробитые вдоль его нижнего края, вставлены заклепки из медного сплава. Кромка наголовья оформлена выпуклым бортиком (ширина 0,8 см). Верхняя пластина назатыльника – «рачий хвост» (длина 21,0 см, ширина 3,7–5,2 см) –

также весьма напоминает свой «томский аналог» (см. рис. 4, 2, 4). Она снабжена по центру остроугольным зубцом, заклепками с медными шляпками (диаметр 0,8 см) и сплошной гравированной полосой вдоль верхнего края пластины. Держатель плюмажа не сохранился, однако на его наличие в первоначальной комплектации шлема указывают характерные отверстия и заклепки на затылочной части шлема (см. рис. 4, 4). Таким образом, шишаки из МАЭС ТГУ и ГЭ имеют очень близкие размеры, практически идентичную конструкцию и систему оформления и различаются лишь отдельными деталями (см. рис. 1–4)⁹.

Важное значение для нас имеет тот факт, что шишак из ГЭ сохранил элементы, утерянные на «томском» шлеме. Так, на его налобной части фиксируется П-образная скоба с винтом, служившая для фиксации подвижного наносника-стрелки (см. рис. 4, 1–3). Неменьший интерес представляет ярусное навершие из медного сплава. Его подвершие изготовлено в форме уплощенной округлой пластины с остроугольными фестонами по краю (диаметр 7,1 см). Венчающее ее надвершие имеет цилиндрическую форму (высота 2,9 см, диаметр 1,05 см). Шейка надвершия снабжена выпуклым пояском и уплощенным «яблоком», покрытым косыми гравированными линиями (диаметр 1,45 см). В цилиндре подвершия проделано сквозное отверстие (диаметр 0,45 см).

Рис. 4. Шишак первой половины – середины XVII в., ГЭ, 3.О.-7380 (фото К.В. Синявского)

По всей видимости, классический вариант «германо-фламандских» шишаков сложился в первой четверти XVII в. и продолжал относительно широко использоваться на протяжении 20–60-х гг. XVII в. (а в некоторых районах Европы и позднее). Вещественные и изобразительные материалы позволяют предположить, что наиболее активно шишаки рассматриваемого типа применялись латниками Германии, Австрии и Фландрии. Несколько реже они встречались на вооружении конных воинов Италии, Англии, Швеции, Речи Посполитой и др. [10. Р. 70]. Судя по находке подобного наголовья на территории Южной Сибири, шишаки «германо-фламандского» образца носили и служилые люди Московского государства. Еще одним подтверждением бытования подобных шлемов в комплексе защитного вооружения российских воинов являются материалы Оружейной Палаты Московского Кремля (ОПМК). Так, в частности, академиком исторической живописи Ф.Г. Солнцевым в первой половине XIX в. было зарисовано несколько шишаков из арсенала

Оружейной Палаты, имевших близкую или аналогичную конструкцию тульи и шлемовых элементов (рис. 5)¹⁰.

Вопрос об основных центрах производства шишаков рассматриваемого образца и их дериватов остается открытым. Большая часть известных наголовий традиционно атрибутируется исследователями как изделия мастеров Южной Германии и Фландрии [16]. В Московское государство они могли попасть как в качестве трофеев (например, во время Смоленской войны 1632–1634 гг., Русско-Польской войны 1654–1667 гг. и др.), так и в рамках торговых сделок по закупке вооружения для создаваемых в России кавалерийских полков «Нового строя». Пик импортных поставок западноевропейских доспехов в Российское государство пришелся как раз на 30–60-е гг. XVII в. [17]. Так, например, полковник А. Лесли приобрел в начале 30-х гг. XVII в. в Голландии «...1 000 комплектов солдатских лат» [18. С. 347]. В 1659–1662 гг. при посредничестве голландских торговцев Х. Свелленгребела и Й. ван Сведена были приобретены десятки тысяч единиц ог-

нестрельного оружия, а также «латы и шишаки» европейского производства и т.д. [14. С. 320; 18. С. 380].

В то же время не исключено, что шлемы из МАЭС ТГУ, ГЭ, ОПМК и других собраний могли быть изготовлены на территории Российского государства по европейским образцам. Массовое производство «вестернизированного» защитного вооружения было развернуто в Московии еще в середине XVII в. усилиями европейских купцов и оружейников. В частности, рейтарские «шишаки и латы» изготавливались на Каширском Чернцовском заводе, построенном голландцами П. Марселисом и Ф. Акемой в 1653 г. [14. С. 320].

Объемы выпускаемой продукции исчислялись сотнями и тысячами комплектов защитного вооружения. При составлении передаточной описи заводского имущества на Чернцовском заводе находились: «...1 051 латы рейтарские с шишаки, 28 шишаков без лат, 621 доска латных, передних и задних» [14. С. 322]. При этом российские аналоги в некоторых случаях, были значительно дешевле иностранных прототипов. Так, П. Марселис поставлял в Оружейный приказ доспехи западноевропейского образца по стоимости 2 руб. за комплект, что было в полтора раза дешевле, чем, например, латы шведского производства [18. С. 379].

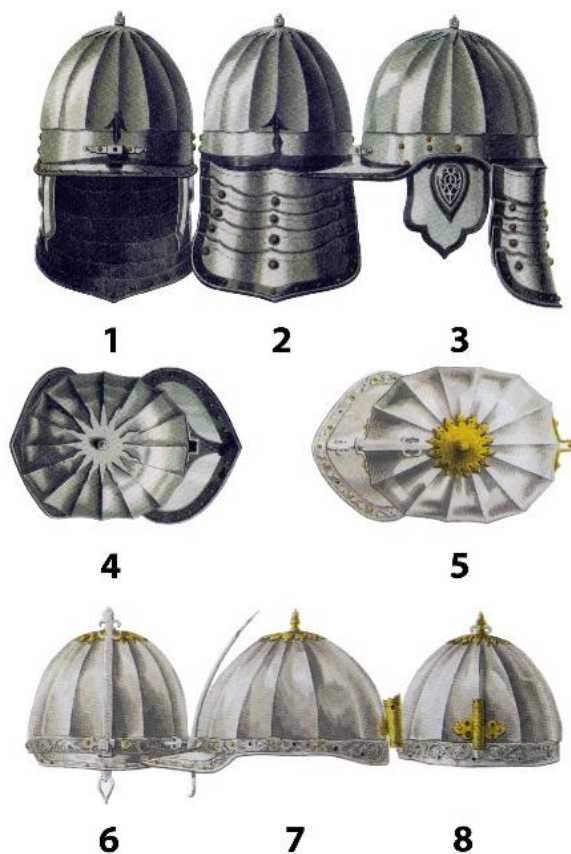

Рис. 5. Шишаки европейского образца из Оружейной Палаты Московского Кремля. Рисунок Ф.Г. Солнцева, первая половина XIX в.

Главными потребителями рассматриваемых шлемов в Европе были конные латники из числа рейтар, аркебузир и кирасир [11. С. 25, 28]. В европейской части России такие шишаки могли использоваться рейтарами, конными копейщиками и, менее вероятно, гусарами [19. С. 123–125].

В настоящее время не представляется возможным достоверно установить время и обстоятельства появления рассматриваемого шлема в Сибири. Шишак мог быть ввезен на территорию Зауралья как в частном порядке, так и в рамках официальных государственных поставок вооружения, предназначенных для оснащения служилых людей сибирских гарнизонов [2. С. 204, 205].

Наиболее ранние письменные сведения о применении служилыми людьми Сибири доспехов европейского образца относятся к первой половине XVII в. В частности, их в этот период использовали иностран-

ные офицеры, дети боярские, а также воины, входившие в разряд «служилой литвы» (в основном переселенные в Сибирь пленные из числа подданных Речи Посполитой) и др. Накануне похода на енисейских кыргызов в 1641 г. на отряд из 870 человек из Москвы были присланы «пищали добрые, латы с шишаками, прапорами, гротиками и барабанами» [20. С. 69]. Первый «вестернизированный» кавалерийский отряд, называемый в обиходе «рейтарской ротой», был создан в Таре еще в 1635 г. на основе сотни «нижегородских иноземцев и литвы и черкас» [Там же. С. 95]. Согласно данным Н.И. Никитина, рейтары Тары имели на вооружении «...латы и шишаки, и пищали съезжие» [21. С. 39]. В 1659 г. в Западной Сибири началось формирование «рейтарского полка», численность которого в 1661 г. достигла 786 чел. [20. С. 96]¹¹. В то же время особо подчеркнем, что принадлежность шлема к рейтарскому комплексу вооружения совершенно не

означает, что во время своего нахождения на территории Зауралья он мог использоваться исключительно западносибирскими рейтарами [20. С. 69, 71, 72].

Характерной особенностью применения доспехов европейского образца в Сибири являлся тот факт, что рейтарские и солдатские латы при случае активно использовались служилыми, не имевшими никакого отношения к полкам «Нового строя». В частности, зафиксированы случаи применения «лат» конными и пешими казаками, стрельцами, пушкарями и детьми боярскими. Как правило, шлемы и доспехи выдавались землепроходцам для несения различных «государевых служб». В результате «латы» и «шишаки» попадали вместе с их новыми владельцами в районы, отстоявшие от мест дислокации рейтарских и солдатских частей на сотни и тысячи километров [Там же. С. 95].

Особой спецификой отличалась система снабжения защитным вооружением служилых людей города Томска (основан в 1604 г.). Главной ударной силой гарнизона, наряду с пешими казаками и артиллерией, являлись многочисленные (по сибирским меркам) кавалерийские подразделения конных казаков (в том числе «служилой литвы»), которые должны были противостоять отрядам кочевников «в поле»¹². Доспехи европейского образца появились на вооружении томичей не позднее середины 30-х гг. XVII в. Так, в ожесточенном сражении томских служилых людей с енисейскими кыргызами и панцирниками («куяшниками») монголов-хотогойтов в урочище Черный Июс у Белого озера в 1635 г. в «шишак» и «латы» был облачен поляк Осип Михалевский. В ходе битвы он неоднократно сходилась с противником в рукопашной схватке, а во время кавалерийской вылазки «впадши в киргизские полки» лично сбил палахом шлем с головы князца Изергея и ранил князца Бехтенея. В ходе второго боя кавалерийский отряд Михалевского двигался в авангарде томских служилых. Закованный в доспехи латник представлял завидную мишень для степных лучников, которые буквально засыпали его стрелами. Сам О. Михалевский сообщал по этому поводу: «...от мугальских и киргизских стрел латы мне пробивались, на голове шишак пробиваючи, стрелы утыкали...» [Там же. С. 69]¹³.

Отмечая факт применения кавалерийским командиром О. Михалевским защитного вооружения европейского образца, в то же время отметим, что общее число панцирников среди томских служилых людей середины 30-х гг. XVII в. было крайне невелико. Характерно в данной связи, что в том же 1635 г. «томского города служилые люди литва и конные казаки» даже подготовили специальную челобитную на имя царя Михаила Федоровича, в которой отмечали нехватку у них шлемов и корпусных панцирей и называли это одной из главных причин неудачных действий против «доспешных» и «куяшных» енисейских кыргызов и ойратов: «...под твое государя под дальнюю царскую отчину под Томский город многие государевы изменники и непослушники немирных орды, киргизы и калмыки и иных многих немирных земель люди и приходят под твой государев Томский город и в твои государевы ясачные волости войною великим собраньем,

а люди, государь, у них все доспешны и куюшники и пансырники (здесь и далее курсив наш. – Авт.), и нам, государь, холопом твоим, противу твоих государевых изменников и непослушников *супротивиться невозможно, выезжать против их не в чем из города на вылазках*, и в частых посылках от твоих государевых изменников многия наши братья побиты и переранены, и лошадки под нами многия побиты и переранены же. И табуны у нас, у холопей твоих, отгоняют же *потому, что, государь, мы люди не одежные воинскою, збруи пансырей и куюнов и шапки у нас, у холопей, твоих нет, а взять, государь, негде, а купить не у кого и не на что...*» [22. С. 156–157]. Выход из сложившейся ситуации томские служилые люди видели в присылке им защитного вооружения «из царской казны»: «Милосердный государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, смилуйся, *пожалуй нас, холопей, для ради нашия прежняя и нынешняя службы и частых кровавых безпрестанных посылок дари из своей царской казны воинской збруи пансырей*, как тебе милосердному государю, об нас будет известить, чтобы мы холопи твои, впредь от твоих государевых изменников и достал в конец не погибли и разорены до конца не были и напрасною глядячею смертию от стрелных и от копынных ран не померли из твоей, государь, дальная царская вотчина от твоих государевых изменников впредь не запустела, царь государь, смилуйся, *пожалуй!*» [Там же].

Резкое обострение ситуации на степной границе и необходимость улучшения оснащения российских войск накануне большого похода на енисейских кыргызов в 1641 г. подвигли центральные российские власти на отправку в Зауралье значительных запасов вооружения, в том числе и доспехов западноевропейского образца – «лат с шишаками» [20. С. 69]. Учитывая, что томские служилые люди должны были выставить для готовящегося похода один из самых крупных воинских контингентов (200 чел.), весьма вероятно, что часть отправленных в Сибирь доспехов могла быть передана и в арсенал Томска. Не исключено, что в числе этого защитного вооружения находился и интересующий нас шлем. Однако приведенные гипотезы, конечно, не отрицают возможности передачи рейтарского шишака в Томск и в более поздний период – в 40–60-е гг. XVII в. Наиболее вероятно, что в момент своего нахождения в Томске шлем входил в состав комплекса защитного вооружения представителя командного состава и (или) воина одного из кавалерийских подразделений томских служилых (в том числе и из числа «литвы»).

Реконструкция первоначального вида шлема

Комплексный анализ собранных материалов позволяет предложить несколько вариантов реконструкции первоначального вида рассматриваемого наголовья. Процесс реконструкции существенно облегчается тем фактом, что до нашего времени дошли шлемы аналогичной или схожей конструкции, сохранившие утерянные на томском шишаке металлические, а иногда и органические элементы (рис. 4–6).

Отверстия и фрагменты стержня заклепки по центру лицевой стороны тульи шлема указывают на то, что к налобной части шишака была приклепана П-образная металлическая скоба, снабженная фиксатором для подвижного наносника-стрелки (рис. 6, 7). Последний представлял собой изогнутую железную полосу, один из концов которой мог быть раскован в плоский наконечник каплевидной (см. рис. 7, 1–3) или сложной вырезной формы (см. рис. 6, 3–5; 7, 4). Наносник продевался в отверстие на козырьке шлема и в зависимости от наличия или отсутствия опасности

мог опускаться вниз (защищая лицо латника от рубящего удара противника) или, напротив, подниматься вверх, улучшая обзор (см. рис. 6, 7). Стержень наносника-стрелки фиксировался в выбранном положении с помощью специального болта, вставленного в П-образную скобу. Навершие болта обычно расковывалось в плоскую пластину, имевшую форму круга, овала, капли (см. рис. 7, 3), стилизованного сердца (см. рис. 7, 1) или цветочного бутона с 3–7 лепестками (см. рис. 6, 1, 2, 4, 5)¹⁴. Болт закручивали вручную, удерживая его за плоское навершие, как дверной ключ.

Рис. 6. Шишаки западноевропейского производства первой половины XVII в.: 1, 2 – Фландрия, первая треть XVII в., частная коллекция (по: Attard, 2004); 3 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., Чикагский институт искусств (по: Karcheski 1995); 4 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., частная коллекция; 5 – Фландрия, 20–40 гг. XVII в., Чикагский институт искусств, 1982.2515; 6 – Южная Германия, г. Аугсбург, мастер Иеронимус Ринглер (Hieronymus Ringler), первая треть XVII в., ГЭ, З.О.-3028.

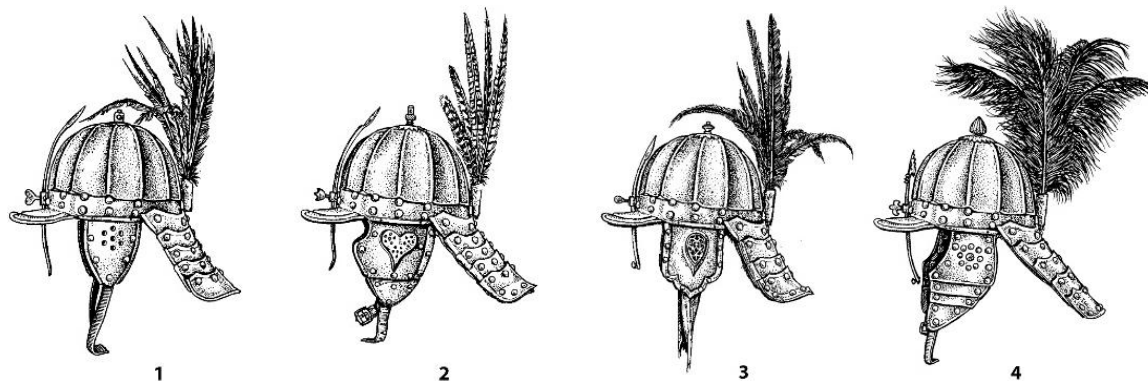

Рис. 7. Варианты реконструкции первоначального вида шишака с Воскресенской горы, г. Томск (реконструкция и рисунок Л.А. Боброва). 1, 2 – центральноевропейский (2 – южно-германский) вариант оформления шлемовых элементов; 3 – ориентальный вариант; 4 – фламандский вариант (перьевой плюмаж европейского образца)

Шишаки рассматриваемого типа обычно снабжались двухчастным навершием, состоящим из подвешия (пластины основания) и вертикального надвешия. Оба элемента выполнялись из железа или медного сплава (см. рис. 4; 5; 6, 1–5). Большинство подвеший наголовий изучаемой серии имеют схожую конструкцию. Они представляют собой округлую слабовыпуклую пластину с ярко выраженными остроугольными фестонами по краю (см. рис. 4; 5; 6, 1–5; 7). В редких случаях все навершие состоит из одного подвешия выкованного в виде круглой бляхи с миниатюрным

умбончиком по центру (см. рис. 6, 6). Оформление надвеший было более разнообразным. Простейшей разновидностью надвеший была небольшая железная петля округлой, квадратной, трапецевидной или прямоугольной формы. Значительной популярностью (особенно среди представителей командного состава) пользовались надвешия луковичной, конической, «желудевидной» и «грибовидной» формы, поверхность которых была покрыта продольными гравированными линиями (см. рис. 6, 1–5, 7, 4). Один из рейтарских шишаков из собрания Оружейной Палаты был

снабжен ярусным надвершием в виде куба с шарообразным выступом наверху (см. рис. 5, 1–4). Известное распространение получили также цилиндрические (трубкообразные) и пиковидные надвершия, имитировавшие трубки-втулки азиатских шлемов (см. рис. 4; 5, 4–6). Однако в отличие от своих восточных аналогов европейские надвершия, как правило, снабжались не продольным, а поперечным отверстием (см. рис. 4). Шейки цилиндрических надверший нередко украшались уплощенными «яблоками», поверхность которых могла покрываться гравированными линиями (см. рис. 4; 5, 4–6). Именно таким надвершием, например, увенчан шлем № 3.О.-7380 из собрания ГЭ (см. рис. 4). Весьма вероятно, что схожее оформление имело и утерянное надвершие шишака № 2698 из МАЭС ТГУ (см. рис. 7, 2). Наряду с указанными образцами в комбинации с рейтарскими шишаками использовались надвершия, выполненные в виде граненой линзы (см. рис. 7, 3), шара, кольца и т.д.

Самым сложным элементом при реконструкции шлема являются науши, которые отличались значительным типологическим разнообразием (см. рис. 5; 6). На основании особенностей конструкции все науши, применявшиеся в комбинации с наголовьями рассматриваемой серии, можно разделить на цельнокованные и клепаные (сегментные).

Простейшая разновидность цельнокованого науша представляла собой пластину подтреугольной формы (часто с бортиком по краю), в плоскости которой были пробиты слуховые отверстия [23. S. 184, b. 5]. В большинстве случаев одно отверстие располагалось в центре, остальные по кругу (см. рис. 1, 1). В некоторых случаях конструкция и оформление одночастных наушей могли быть более сложными. Лицевая сторона снабжалась полукруглым вырезом, вдоль края науша вбивались латунные заклепки, а по центру размещался выпуклый каплевидный «умбон» со слуховыми отверстиями. Есть основание полагать, что воины Московского государства первой половины – середины XVII в. могли сочетать шишаки европейского образца с цельнокованными наушами восточного (ориентального) типа. Последние имели характерную пятиугольную форму (нижние боковые углы закруглены, а центральный, напротив, заострен). По краю пластины пропускался более или менее ярко выраженный бортик. Примерно по центру плоскости науша располагалась каплевидная выпуклость с прорезными слуховыми отверстиями (см. рис. 7, 3). Дополненный подобными ориентальными наушами европейский шишак из собрания Оружейной Палаты был зарисован в первой половине XIX в. Ф.Г. Солнцевым (см. рис. 5, 1, 3).

В Западной Европе наголовья рассматриваемого типа часто дополнялись клепаными сегментными наушами, каждый из которых состоял из 2–5 железных пластин различных форм и размеров (см. рис. 6, 1–5; 7, 4), более крупные пластины обычно располагались в верхней, а мелкие в нижней части науша. Самые большие пластины (как правило, трапециевидной формы с полукруглыми вырезами на лицевой стороне) прикрывали непосредственно уши латника. Их поверхность могла украшаться фигурными прорезами и

(или) заклепками, складывавшимися в стилизованное изображение распустившегося цветочного бутона (см. рис. 6, 1–5, 7, 4). Более мелкие подпрямоугольные пластины образовывали два чешуйчатые лопасти, фиксировавшиеся под подбородком воина (крайний в ряду сегмент обычно имел форму трапеции или треугольника). Крепление пластин, составляющих сегментные науши, осуществлялось с помощью кожаных ремней и заклепок с полусферическими шляпками. В большинстве случаев железные сегменты набирались внахлест таким образом, что верхняя пластина незначительно перекрывала нижнюю (в редких случаях наоборот). В боевом положении клепаные многочастные науши защищали уши, скулы, щеки и частично подбородок латника (см. рис. 7, 4).

В Центральной Европе (южногерманские государства, Австрия и др.) кавалерийские шишаки иногда снабжались большими 2–3-частными клепаными наушами, сочетавшими западноевропейские конструктивные решения с выпуклыми «умбонами» ориентального типа. Последние могли иметь как традиционную для Востока каплевидную, так и сердцевидную форму (см. рис. 6, 6). В плоскости умбона (а иногда и вокруг него) пробивались слуховые отверстия (см. рис. 7, 2).

В своей первоначальной комплектации «томский» шишак мог быть снабжен как цельнокованными (западноевропейскими или ориентальными), так и клепанными сегментными наушами (см. рис. 7). Все виды наушей крепились с внутренней стороны купола шлема¹⁵ и снабжались матерчатой или кожаной подкладкой.

К затылочной части шлемов рассматриваемого типа традиционно крепился длинный и широкий сегментный назатыльник «рачий хвост», составленный из пяти (реже четырех, а в отдельных случаях – трех) изогнутых пластин с вырезным верхним краем (см. рис. 6). Сохранившийся сегмент назатыльника «томского» шишака позволяет с высокой степенью достоверности восстановить особенности конструкции и системы оформления данного защитного элемента (см. рис. 7).

Как уже отмечалось выше, несмотря на то что конструкция шишаков германо-фламандского образца в разных районах Европы была в целом схожей, некоторые элементы декоративного оформления тульи и шлемовых элементов имели определенную региональную специфику. С некоторой долей условности можно выделить центральноевропейский (см. рис. 7, 1, 2), ориентальный (см. рис. 7, 3) и фламандский стили (см. рис. 7, 4). Учитывая особенности оформления шишаков из МАЭС ТГУ и ГЭ, наиболее вероятно, что утерянные элементы данных наголовий были выполнены в центральноевропейской стилистике – гомогенные или 1–3-частные клепанные науши, наносники с простым каплевидным наконечником и фиксатором, петлеобразные, округлые, кубические или трубкообразные надвершия с «яблоком» и т.д. (см. рис. 7, 1, 2). Наименее вероятно, что утерянные элементы были оформлены в фламандском стиле (см. рис. 7, 4).

В завершение отметим, что, как и большинство других наголовий подобного рода, шишак из МАЭС ТГУ имел подшлемник из мягких органических мате-

риалов. Кроме того, матерчатой подкладкой были, вероятно, снабжены все основные шлемовые элементы, в том числе козырек, науши и назатыльник [9; 10. Р. 68, 69; 11. С. 29; 15; 16]. Крепление осуществлялось с помощью заклепок (в том числе с железными подложками), выполнявших роль фиксаторов органических частей наголовья (см. рис. 1, 5; 6, 1, 3; 7). К наушам шишака крепились подбородочные ремни из кожи (см. рис. 7, 1, 2, 4). В некоторых случаях могла применяться ориентальная система крепления в виде лент из нескольких слоев шелковой ткани (см. рис. 7, 3). Учитывая, что шлем использовался на протяжении длительного времени, маловероятно, что он сохранил оригинальный перьевой султан европейского образца (см. рис. 7, 4). Можно предположить, что со временем в затылочную трубку-втулку шлема стали помещаться маховые и хвостовые перья птиц, обитавших на территории Сибири (см. рис. 7, 1–3).

Учитывая комплектность шишака в момент его обнаружения, нельзя исключать, что некоторые поврежденные (?) шлемовые элементы были удалены / утеряны еще в ходе эксплуатации наголовья.

Выводы

Комплексный анализ собранных материалов позволил уточнить атрибуцию и датировку шлема № 2698 из собрания МАЭС ТГУ, а также реконструировать варианты его первоначального внешнего вида (см. рис. 7).

В частности, установлено, что наголовье относится к германо-фламандской разновидности шишаков европейского образца. Отличительной особенностью данных шлемов являлась низкая полусферическая тулья, склепанная из двух пластин, переходящая в очень широкий и массивный двухчастный козырек. Для усиления защитных свойств наголовья большая часть тульи покрывалась вертикальными ребрами жесткости. Увенчанный составным навершием купол шишака дополнялся подвижным наносником-стрелкой, парой цельнокованых или клепаных наушей и длинным сегментным назатыльником типа «рачий хвост». Металлические элементы наголовья соединялись между собой и органической подкладкой с помощью заклепок, выполненных из медного сплава и (или) железа. Основными потребителями подобных шлемов в Западной Европе являлись рейтары и кирасиры Германии, Австрии и Фландрии первой половины XVII в. Однако аналогичные, или схожие, наголовья также периодически использовались латниками Италии, Англии, Швеции, Речи Посполитой и других государств. Если шлем из МАЭС ТГУ был выполнен европейскими

(предположительно южно-германскими) оружейниками, то наиболее вероятной датой его изготовления следует считать 20–40-е гг. XVII в. На территорию Московского царства он мог попасть, как в качестве военного трофея, так и в числе прочих предметов защитного вооружения, закупленного российским правительством в 30-х – начале 60-х гг. XVII в. в Западной Европе для оснащения кавалерийских полков «Нового строя». В то же время нельзя исключать вероятности того, что шишак был выкован непосредственно на территории Российского государства по европейским образцам. В последнем случае наголовье может быть датировано серединой XVII в., т.е. временем массового производства «вестернизированных» кавалерийских доспехов на российских оружейных предприятиях.

Известные источники не позволяют достоверно установить время и обстоятельства появления рассматриваемого шлема в Сибири. На территорию Зауралья шлем мог быть ввезен как в частном порядке, так и в рамках официальных государственных поставок вооружения, предназначенных для оснащения служилых людей сибирских гарнизонов (в том числе западносибирских рейтар).

Согласно материалам письменных источников, доспехи европейского образца стали использоваться томскими служилыми людьми не позднее середины 30-х гг. XVII в. В Томск рассматриваемый шишак мог быть доставлен из арсеналов городов Западной Сибири или непосредственно с территории Европейской России. Наиболее вероятно, что в момент своего нахождения в Томске шлем входил в состав комплекса вооружения представителя командного состава и (или) воина одного из кавалерийских подразделений томских служилых людей. Весьма вероятно, что наголовье продолжало использоваться на протяжении длительного времени. Поверхность шишака имеет значительные механические повреждения. Некоторые из них могут быть атрибутированы как следы рубящих ударов и воздействия метательного оружия противника.

Рассматриваемый шишак входит в состав небольшой группы боевых наголовий российского и европейского производства, обнаруженных на территории Сибири, и представляет исключительную научную ценность. Его ближайшие аналоги хранятся в фондах Государственного Эрмитажа, Оружейной Палаты Московского Кремля, а также европейских музейных собраний. Введение шлема в научный оборот позволяет уточнить целый ряд вопросов, связанных с особенностями эволюции комплекса защитного вооружения русских служилых людей XVII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Столь значительный диаметр шлема обусловлен тем, что затылочная часть тульи, предназначенная для крепления назатыльника, имеет небольшой внешний изгиб.

² Сам наносник не сохранился.

³ Горизонтальное ребро выполнено таким образом, что в комбинации с вертикальными ребрами тульи создает характерный визуальный эффект, благодаря которому верхняя (ребристая) часть тульи кажется значительно шире гладкой нижней части.

⁴ По данной причине большая пластина назатыльника имеет характерное С-образное сечение.

⁵ Длинный и широкий козырек, составляющий единое целое с куполом наголовья, а также особенности конструкции и системы оформления тульи отличают шлемы рассматриваемой серии от других популярных вариантов «европейских шишаков», применявшихся воинами Западной, Южной, Центральной, Северной и Восточной Европы [12. С. 126–131; 14. С. 319, рис. 2, 1, 3, 5, 6].

⁶ Большинство «германо-фламандских» шишаков с клепаной двухпластинчатой тульей имеет схожую конструкцию и систему оформления. В то же время среди рассматриваемой серии фиксируются экземпляры, отличающиеся богатой отделкой и многочисленными декоративными украшениями. Последний факт свидетельствует в пользу того, что шлемы подобного типа могли входить в состав комплекса защитного вооружения как рядовых латников, так и высокопоставленных воинов европейских армий [15]. Интересно, что некоторые офицерские шишаки, хотя и имеют более сложную конструкцию, тем не менее имитируют внешний вид простых двухчастных рейтарских шлемов (см. рис. 6, б), что, вероятно, свидетельствует о популярности данной разновидности наголовий даже среди представителей военной элиты западноевропейских государств.

⁷ Шлем передан в ГЭ из Института истории науки и техники Академии наук СССР (акт № 701 от 8 августа 1947 г.).

⁸ Все эти элементы присутствуют и на козырьке шишака из МАЭС ТГУ (см. выше).

⁹ Так, медные заклепки на височных сторонах тульи шлема из ГЭ расположены в один ряд, а на шишаке из МАЭС ТГУ – в два ряда. На шлеме из ГЭ правая пластина тульи незначительно перекрывает левую, а у «томского» наголовья – наоборот. Край нижней пластины тульи у шишака из ГЭ фестончатый, а у МАЭС ТГУ ровный и т.д.

¹⁰ Наличие нескольких практически идентичных шишаков свидетельствует в пользу серийного производства наголовий подобного типа.

¹¹ Рейтарские подразделения в Западной Сибири были окончательно расформированы только в 1678 г., а рейтары были переведены в традиционные категории служилых [20. С. 98].

¹² Согласно «Перечневому списку» в 1635 г. гарнизон Томска насчитывал 307 конных и 300 пеших казаков [22. С. 30].

¹³ Интересно, что некоторые отверстия на шлеме из МАЭС ТГУ могут быть атрибутированы как повреждения, нанесенные стрелами. Хронологические рамки бытования рассматриваемого шишака не исключают гипотетическую возможность его принадлежности О. Михалевскому. Однако данный вопрос требует отдельного исследования.

¹⁴ Благодаря подобной конструкции фиксатор наносника-стрелки визуально напоминал дверной ключ.

¹⁵ Для этой цели, как правило, применялись 2–3 коротких кожаных ремешка, зафиксированные металлическими заклепками.

ЛИТЕРАТУРА

- Бобров Л.А. Научно-историческая реконструкция шлема из Далматовского Успенского монастыря. // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2014. Вып. XX. С. 52–59.
- Бобров Л.А. Опыт реконструкции шлемов российских воинов в Сибири конца XVI–XVII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск–Тюмень–Екатеринбург : Магеллан, 2014б. Т. I. С. 204–214.
- Флоринский В.М. Прибавление к каталогу Археологического музея Томского университета. Томск : Типо-лит. Михайлова и Макушина, 1890. С. 156–337.
- Флоринский В.М. Первобытные славяне по памятникам их доисторической жизни. Ч. II, вып. 2 // Известия Императорского Томского университета. Томск : Паровая типо-лит. П.И. Макушина, 1898. Кн. 13. С. 401–571.
- Ожередов Ю.И., Худяков Ю.С. Сузунский шлем // Археология, этнография, антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 93–99.
- Бобров Л.А., Ожередов Ю.И. Еще раз о «сузунском» шлеме // Теория и практика археологических исследований. 2017. № 3 (19). С. 21–36.
- Дульзон А.П. Археологические памятники Томской области (материалы к археологической карте Среднего Приобья) // Труды Томского областного краеведческого музея. Томск, 1956. Т. V. С. 89–316.
- Ожередов Ю.И., Яковлев Я.А. Археологическая карта Томской области. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1993. Т. 2. 208 с.
- Das Munchner Zeughaus. Munchen–Zurich : Schnell und Steiner, 1982. 107 S.
- Attard R. Collecting Military Headgear: F Guide to 5000 Years of Helmet History. Chicago : Schiffer Publishing, 2004. 304 p.
- Квитковский Ю.В. Мы знаем своих «паппенхаймеров»! // Армии и битвы. 2006. № 5. С. 23–29.
- Ефимов С.В., Рымша С.С. Оружие Западной Европы XV–XVII вв. СПб. : Атлант, 2009. Кн. I. 400 с.
- Сокровища Тауэра в Кремле. М. : Гос. музеи Московского Кремля, 1998. 200 с.
- Зыков А.П., Манькова И.Л. Рейтарский шлем XVII века из Далматовского Успенского монастыря: к событиям 1662–1667 гг. в Южном Зауралье // Новгородская земля и ее соседи. Екатеринбург : БКИ, 2000. С. 315–332.
- Boccia L.G., Rossi F., Morin M. Armi e Armature Lombarde. Milano : Electa Editrice, 1979. 174 p.
- Karcheski W.J. Arms and Armor in the Art Institute of Chicago. Chicago : The ArtInstitute of Chicago, 1995. 33 p.
- Малов А.В. Русско-шведская война 1656–1658 гг. и военное строительство в России // Россия и Швеция в средневековье и новое время: архивное и музейное наследие. М., 2002. С. 126–149.
- Пенской В.В. Великая огнестрельная революция. М. : Яуза ; Эксмо, 2010. 448 с.
- Малов А.В. Конница Нового строя в русской армии в 1630–1680-е годы // Отечественная история. 2006. № 1. С. 118–131.
- Бобров Л.А., Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С. Русские воины на южных рубежах Сибири в конце XVI – XVII вв. Вооружение и военная организация : учеб. пособие / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2012. 128 с.
- Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. Новосибирск : Наука, 1988. 255 с.
- Томск в XVII веке: материалы для истории города. СПб. : Русская скоропечатня, 1911. 169 с.
- Muller H., Kunter F. Europaische Helme aus der Deutschen Demokratischen Republik. Berlin : Militarverlag der Deutschen Demokratischen Republik, 1971. 416 S.

Leonid A. Bobrov, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: spsml@mail.ru

Yuri I. Ozheredov, Museum of History of Tomsk (Tomsk, Russian Federation). E-mail: nohoister@gmail.com

Andrey E. Bogdanov, State Hermitage Museum (St. Petersburg, Russian Federation) E-mail: pereswetstation@yandex.ru

THE «REITERHELMET» OF THE FIRST HALF – THE MIDDLE OF THE XVIIth CENTURY FROM VOSKRESENSKAYA MOUNTAIN (TOMSK CITY) FROM MAES TSU COLLECTION

Keywords: service people; reiters; reiter helmet.

The analyzed iron helmet (inv. № 2698) is kept in Museum of Archeology and Ethnography of Siberia of Tomsk State University. It was found during the earthworks at the foot of Voskresenskaya mountain (Tomsk city) in 1889. Previously this helmet didn't become the object of the independent scientific research. Judging by the material of manufacture the helmet refers to the class of the iron ones, by the construction of the crown – to the department of the riveted ones, by the shape of the dome – to the type of the hemispherical ones. The total height – 15,5 cm, the frontal-occipital diameter – 23,9 cm, the temporal one – 20,3. The weight of the helmet is 1,8 kg. The crown was riveted from two halves (the connecting seam is situated at the line «the forehead-the occiput»). Herewith the left half overlaps the right one slightly. The most part of the crown is covered with 16 vertical stiffening ribs. The plates of the crown bend and transform to the wide twofold peak (the length – 25 cm, the width: 5,2 – 7,0 cm) at the frontal part of the helmet. The plume holder and the plate neck-flap “crayfish tail” saved fragmentarily are riveted to the occipital part of the helmet. The rivets with the hemispherical heads on the crown and the neck-flap were made from the copper alloy. The characteristic holes in the helmet testify that it was

furnished with the nasal, the knob and the earpieces. The surface of the helmet has mechanic damages. Some of them can be the tracks of the chops and the enemies' arrows' impact.

It was found under the typological analysis that the helmet refers to the "German-Flemish" type of the European model's sisaks. The distinctive feature of these helmets was the low ribbed crown riveted from two halves transforming to the very wide twofold peak. If the helmet of MAES TSU was made by European (presumably South German) armorers the most likely date of its manufacture should be considered the 20-40ies of the 17th century. It could be appeared at the territory of Moscow state both as the war trophy and among other weapon bought by tsar government for the equipping of Russian reiters at the 30ies - the beginning of the 60ies of the 17th century in Western Europe. But the sisak could be forged directly at the territory of Muscovy. In last case the helmet can date from the middle of the 17th century that is from the time of cavalry armor's mass production of the Western European sample at the Russian weapon manufactures.

The helmet was delivered to the territory of Siberia privately or within the framework of the armor's state supply intended to equip the warriors of Siberian cities. According to written sources the armor of the European type was become to use by Tomsk service people no later than at the middle of the 30ies of the 17th century. Most likely that the helmet belonged to the officer or the warrior-cavalryman at the moment of its being in Tomsk.

The sisak from MAES TSU is among 11 helmets of Russian and European production discovered at the territory of Siberia and it has the considerable scientific value.

REFERENCES

- Bobrov, L.A. (2014a) Nauchno-istoricheskaya rekonstruktsiya shlema iz Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya [Scientific and historical reconstruction of a helmet from the Dalmatovsky Assumption Monastery]. In: Tishkin, A.A. (ed.) *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altayskogo kraya* [Preservation and Study of the Altai Cultural Heritage]. Vol. 20. Barnaul: Altai State University. pp. 52–59.
- Bobrov, L.A. (2014b) Reconstruction of helmets used by Russian warriors from Siberia of 16th– 17h centuries. In: Tataurova, L.V. & Borzunov, V.A. (eds) *Kul'tura russkikh v arkhologicheskikh issledovaniyakh* [Culture of Russians in Archaeological Researches]. Vol. 1. Omsk–Tyumen'–Ekaterinburg: Magellan. pp. 204–214. (In Russian).
- Florinsky, V.M. (1890) *Pribavlenie k katalogu Arkheologicheskogo muzeya Tomskogo universiteta* [Addition to the Archaeological Museum of Tomsk University Catalogue]. Tomsk: Mikhaylov i Makushin. pp. 156–337.
- Florinsky, V.M. (1898) *Pervobytnye slavyane po pamyatnikam ikh doistoricheskoy zhizni*. Ch. 2. Vyp. 2 [Primitive Slavs according to the monuments of their prehistoric life. Part II, no. 2]. *Izvestiya Imperatorskogo Tomskogo universiteta*. 13. pp. 401–571.
- Ozheredov, Yu.I. & Khudyakov, Yu.S. (2007) The Suzun Helmet. *Arkheologiya, etnografiya, antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(29). pp. 93–99. (In Russian).
- Bobrov, L.A. & Ozheredov, Yu.I. (2017) Once again about the "Suzun" helmet. *Teoriya i praktika arkhologicheskikh issledovaniy – Theory and Practice of Archaeological Research*. 3(19). pp. 21–36. (In Russian). DOI: 10.14258/tpai(2017)3(19).-02
- Dulzon, A.P. (1956) Arkheologicheskie pamyatniki Tomskoy oblasti (materialy k arkhologicheskoy karte Srednego Priob'ya) [Archaeological monuments of Tomsk Region (data for the archaeological map of the Middle Ob region)]. *Trudy Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya*. 5. pp. 89–316.
- Ozheredov, Yu.I. & Yakovlev, Ya.A. (1993) *Arkheologicheskaya karta Tomskoy oblasti* [Archaeological Map of Tomsk Region]. Vol. 2. Tomsk: Tomsk State University.
- Anon. (1982) *Das Munchner Zeughaus*. Munich–Zurich: Schnell und Steiner.
- Attard, R. (2004) *Collecting Military Headgear: F Guide to 5000 Years of Helmet History*. Chicago: Schiffer Publishing.
- Kvitkovsky, Yu.V. (2006) My znaem svoikh "pappenkhaymerov"! [We know our "Pappenheimers"!]. *Armii i bitvy*. 5. pp. 23–29.
- Efimov, S.V. & Rymsha, S.S. (2009) *Oruzhie Zapadnoy Evropy XV–XVII vv.* [Weapons of Western Europe of the 15th – 17th centuries]. Vol. 1. St. Petersburg: Atlant.
- Richardson, T. & Rymer, R. (1998) *Sokrovishcha Tauera v Kremle* [Treasures from the Tower in the Kremlin]. Translated from English. Moscow: State Museum of the Moscow Kremlin.
- Zykov, A.P. & Mankova, I.L. (2000) Reytarskiy shlem XVII veka iz Dalmatovskogo Uspenskogo monastyrya: k sobyitiyam 1662–1667 gg. v Yuzhnom Zaural'e [A Reitar helmet of the 17th century from the Dalmatovsky Assumption Monastery: on the events of 1662–1667 in the South Trans-Urals]. In: *Novgorodskaya zemlya i ee sosedi* [Novgorod Land and Its Neighbors]. Ekaterinburg: BKL. pp. 315–332.
- Boccia, L.G., Rossi, F. & Morin, M. (1979) *Armii e Armature Lombarde*. Milan: Electa Editrice.
- Karcheski, W.J. (1995) *Arms and Armor in the Art Institute of Chicago*. Chicago: The Art Institute of Chicago.
- Malov, A.V. (2002) Russko-shvedskaya voyna 1656–1658 gg. i voennoe stroitel'stvo v Rossii [The Russian-Swedish War of 1656–1658 and the military construction in Russia]. In: Lavrentiev, A.V. (ed.) *Rossiya i Shvetsii v srednevekov'e i novoe vremya: arkhivnoe i muzeynoe nasledie* [Russia and Sweden in the Middle Ages and Modern Times: The Archival and Museum Heritage]. Moscow: The State Historical Museum. pp. 126–149.
- Penskoy, V.V. (2010) *Velikaya ognestrel'naya revolyutsiya* [Great Gunshot Revolution]. Moscow: Yauza; Eksmo.
- Malov, A.V. (2006) Konnitsa Novogo stroya v russkoy armii v 1630–1680-e gody [The New Order Cavalry in the Russian Army in the 1630s – 1680s]. *Otechestvennaya istoriya*. 1. pp. 118–131.
- Bobrov, L.A., Borisenko, A.Yu. & Khudyakov, Yu.S. (2012) *Russkie voyny na yuzhnykh rubezhakh Sibiri v kontse XVI – XVII vv. Vooruzhenie i voennaya organizatsiya* [Russian soldiers on the southern borders of Siberia in the late 16th – 17th centuries. Armament and military organization]. Novosibirsk: Novosibirsk State University.
- Nikitin, N.I. (1988) *Sluzhilye lyudi v Zapadnoy Sibiri XVII v.* [The Service Class People in Western Siberia in the 17th Century]. Novosibirsk: Nauka.
- Golovachev, P.M. et al. (1911) *Tomsk v XVII veke: materialy dlya istorii goroda* [Tomsk in the 17th century: materials for the history of the city]. St. Petersburg: Russkaya skoropechatnya.
- Muller, H. & Kunter, F. (1971) *Europaische Helme aus der Deutschen Demokratischen Republik*. Berlin: Militärverlag der Deutschen Demokratischen Republik.